

TABLE OF CONTENTS

NATIONALITY QUESTION

<i>Michael Lind</i> In Defense of Liberal Nationalism	5
<i>Gidon Gottlieb</i> Nations Without States	21
<i>Juan J. Linz</i> State Building and Nation Building	37
<i>Yael Tamir</i> Liberal Nationalism (excerpts from the book)	75
<i>Milan Hauner</i> What is Asia to Us? (excerpts from the book)	130

CONFERENCE ON CONSTITUTIONAL COURTS (Warsaw, September 1994)

<i>Herman Schwartz</i> The Lustration Decisions of the New Central European Constitutional Courts	189
<i>Luis Lopez Guerra</i> Constitutional Courts as Arbitrators in Conflicts of Competence: the Case of Spain	204
<i>Duc V. Trang</i> Beyond the Historical Justice Debate: the Incorporation of International Law and the Impact on Rights in Hungary	214

VIEW FROM AMERICA

<i>Peter Rutland</i> Has Democracy Failed Russia?	259
---	-----

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Майкл Линд

В ЗАЩИТУ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА

НЕТ В МИРЕ СИЛЫ МОЩНЕЕ

За два последних века в политике не было идеи, сравнимой по силе с несложным утверждением, что каждая нация имеет право на собственное государство и должна обладать таковым (с уточнением, что ни одна этническая или культурная группа не вправе обладать в таком государстве монополией на власть). Эта основная националистическая концепция идеального миропорядка оказалась необыкновенно устойчивой на протяжении ста с лишним лет, хотя мир за это время перевидел великое множество разных форм национализма. "В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе", — писал в 1870 г. швейцарский специалист по международному праву Иоганн Каспар Блюнчли. В то время национализм, корни которого можно найти в трудах Руссо, Гердера, Фихте и Мадзини, был уже отнюдь не новой доктриной. Разумеется, национальные чувства сами по себе куда старше национализма как политической теории, что бы ни говорили по этому поводу те, кто считает их продуктами недавнего времени.

Идея национального государства успешно отбила натиск многих универсалистских конкурентов — от теории европейского концерта, в которой Меттерних видел инструмент борьбы с антидинастическим национализмом и республиканскими взглядами, до расистского радикально националистического империализма Гитлера и безнадёжных советских усилий, направленных на то, чтобы

заменить преданность своей нации верностью социалистическому универсализму. Европейское сообщество тоже потерпело неудачу в попытке стать подлинным федеративным государством, что можно было предвидеть задолго до возникновения осложнений с реализацией Маастрихтского договора и кризиса европейской валютной системы. Маловероятно, что либеральному универсализму удастся преуспеть там, где потерпел крах его антилиберальный предшественник, а именно, заменить национальное чувство лояльностью по отношению к наднациональным структурам.

Несмотря на все доказательства исключительной прочности националистической ментальности, многие политики, ученые и лидеры общественного мнения продолжают считать национализм устаревшим или даже опасным пережитком давно ушедших времен. Когда эта предубежденность против национального самоопределения переводится в плоскость практической политики, обычно это приводит к поддержке подавления правящими режимами движений национальных меньшинств за отделение. Широко распространено убеждение, что борьба националистов за государственное отделение сама по себе реакционна и опасна, объясняет ту непреклонность, с которой многие обвиняли Германию в якобы преждевременном признании Словении, Хорватии и Боснии и критиковали Соединенные Штаты за предполагаемую поддержку независимости Эритреи.

Такое недоверие к национализму, даже в его либеральной, демократической и конституционной форме — грубое заблуждение. Чисто инстинктивная поддержка всех без исключения, даже деспотических многонациональных государственных образований, так же неразумна, как и автоматическое неодобрение любых движений, добивающихся независимости тех или иных территорий. Как по соображениям практической политической стратегии, так и по принципиальным мотивам Соединенные Штаты должны стать на сторону национализма — самой мощной идейной силы современного мира.

ВЕЛИКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Со времен Французской революции национализм успешно выдержал множество испытаний. Однако не случится ли так, что теперь он разделит судьбу своих побежденных универсалистских соперников и завершит свое существование на задворках истории? На протяжении большей части нашего столетия многие ученые и писатели (в основном, социал-демократической и либеральной ориентации, но также и несколько реалистов вроде Эдварда Карра и Джеймса Бернхэма) с редким упорством предсказывали неминуемый упадок национальных государств. Их главным аргументом обычно служили экономические соображения: современная технология порождает крупные интегрированные структуры (например, трансокеанские телеграфные и телефонные кабели былых времен или современные спутниковое телевидение и компьютеризованные биржевые системы), которые несовместимы с национальными границами.

Однако основные посылки этой концепции "взаимозависимости", как и принципы марксизма, содержат явное противоречие между элементами детерминизма и волюнтаризма. В самом деле, если разные части мира с неизбежностью делаются все более взаимосвязанными, то с какой стати бороться против тех или иных конкретных форм и проявлений национализма, который все равно в конце концов обречен на вымирание? С другой стороны, если для развития межнациональной интеграции требуются значительные усилия, значит, ее торжество отнюдь нельзя считать заранее предопределенным.

Главная ошибка пророков "мира без наций" состояла и состоит в пренебрежении моральными и политико-экономическими факторами. Всемирное правительство с единой мировой столицей чисто технически было, вероятно, возможно еще со времен Чингисхана — и вне всякого сомнения, со времен Наполеона. Провал всех попыток достижения мирового господства коренится вовсе не в уровне развития технологии — он вытекает из упорного нежелания народов жить под игмом каких бы то ни было завоевателей. Это верно и по отношению к новейшим стремле-

ниям к всемирному владычеству. Западные союзники создали лучшие в мире технологии и потому превзошли советский блок по техническому уровню и масштабам производства, однако их сорокалетнее единство было обеспечено не технологическими факторами, а твердой решимостью американцев, японцев и немцев защитить свою национальную независимость. Так на каком же основании можно ожидать, что народы, готовые до последнего дыхания сражаться против чужеземных завоевателей, добровольно уступят свою независимость наднациональной бюрократии или международной финансово-промышленной элите? Тайна сия велика есть, и ее пока что не смогли объяснить адепты теории взаимозависимости.

"СТАБИЛИЗАТОРЫ"

Есть и другие, в чем-то более убедительные аргументы против национализма — с ними выступают так называемые "стабилизаторы", иначе говоря, защитники теперешнего территориального статус-кво. По их мнению, негативные последствия изменения (даже мирного) существующих межгосударственных границ намного перевешивают любые положительные стороны этого процесса. Конечно, любая точка зрения зависит от исходных позиций — руководитель государства, в принципе выступающего за сохранение существующих границ, будет относиться к проблеме стабильности совсем не так, как лидер страны с территориальными претензиями. Администрация Буша видела в Соединенных Штатах державу, исповедующую принцип сохранения статус-кво, и именно поэтому стремилась сохранить целостность СССР и Югославии.

Распад многонационального государства может привести к новому соотношению сил между его наследниками или к региональному вакууму власти. Некоторые страны могут от этого проиграть, а некоторые — и выиграть. Например, Британия старалась добиться независимости Нидерландов, империя Габсбургов была заинтересована в расчленении Италии, а сменявшие друг друга китайские империи стремились разобщить кочев-

ников в бассейне реки Тарим. С точки зрения данного государства, вакуум силы в определенном районе может быть куда предпочтительней возникновения там сильного соперника. Советский Союз представлял явную угрозу для Соединенных Штатов, как до него империя Романовых представляла опасность для Великобритании, и поэтому ниоткуда не следует, что возникновение на территории СССР нового государственного единства предпочтительней равновесия сил между его наследниками.

Иногда говорят, что успешное государственное отделение одной или нескольких наций будет крайне опасным прецедентом, поскольку вызовет реакцию подражания. Однако к такому рассуждению, как и к любым слишком прямолинейным экстраполяциям, следует относиться скептически. Не надо считать, что каждое многонациональное государство в любой момент готово рухнуть, как карточный домик — эта модель не более убедительна, чем все прочие теории, основанные на пресловутом "эффекте домино". История показывает, что борьба за отделение обычно осуществляется не непрерывно, а отдельными импульсами, такими как деколонизация Африки или же распад советского блока в Центральной Европе и самой советской империи.

Не следует преувеличивать опасность, грозящую международному порядку в связи с увеличением количества государств, существующих в мире. Начнем с того, что потенциальное число новых национальных государств исчисляется десятками, но никак не сотнями или тысячами. Хотя на нашей планете насчитываются тысячи различных этнических групп, лишь немногие настолько многочисленны, едины и территориально компактны, чтобы служить зародышами новых суверенных национальных государств. Очевидно, что крохотные меньшинства вроде лужичан в Германии или амишей в Соединенных Штатах не могут сформировать государств, однако из этого совсем не следует, что государственная независимость невозможна для таких народов как курды, тибетцы или ибосы.

Даже если в течение нескольких последующих десятилетий из-за мирного или немирного распада нескольких многонациональных стран число национальных государств и

вырастет на один-два десятка, это вряд ли породит международный хаос большого масштаба — слишком уж неодинаковыми по возможностям будут различные государства на нашей планете. Мир с двумя или двумя с половиной сотнями равновеликих по силе государств и в самом деле был бы обречен на беспорядок, но это никак не относится к миру, где реальное влияние сосредоточено в руках лишь горстки великих держав, блоков и союзов. Распад великих империй прошлого и нынешнего веков породил к настоящему времени около двухсот государств. Это куда меньше, чем триста независимых политических единиц, существовавших в Германии до ее объединения, не говоря уже о пятистах государствах, выявленных Шарлем Тилли в Европе 1500 г. Если уж мир пережил без особых потрясений быстрый рост числа государств-членов ООН от пятидесяти двух в 1946 г. до сегодняшних ста восьмидесяти трех, то он тем более не рухнет от куда более скромного прибавления в их семействе еще на одну или две дюжины.

Но не приведет ли распад каких-то из ныне существующих многонациональных образований на новые национальные государства к росту военной опасности? История процессов, развернувшихся после завершения мощной волны деколонизации в Африке и Азии, дает некоторые основания для оптимизма. Хотя многие независимые страны, возникшие на месте прежних колоний, раздирались и все еще раздираются этническими конфликтами (как правило, отражающими многонациональный состав населения), крупные межгосударственные столкновения и в этих регионах случаются довольно редко.

Пророчества — дело рискованное, но все же не исключено, что в гипотетическом мире, состоящем из этнически более или менее однородных стран, было бы меньше международных столкновений, чем сейчас насчитывается внутренних конфликтов между этническими группами в многонациональных государствах. У властей каждого государства есть немало серьезных причин не ввязываться во внешние войны, в то время как господствующая в стране этническая группа всегда может без большого риска попытаться сокрушить своих более слабых конкурентов.

Противники сепаратистского национализма часто указывают на опасность того, что крупное национальное меньшинство после обретения для себя государственной независимости будет притеснять не столь многочисленные группы, проживающие на той же территории. Согласно этой логике, если провинция Квебек отделится от Канады, что помешает ее жителям вовсю угнетать индейцев? (В этом отношении нынешний конфликт на Балканах не особенно показателен, поскольку главным мотивом отделения словенцев, хорватов и югославских мусульман было желание выйти из многонациональной федерации, в которой доминировали сербы.)

Отнюдь не выдавая индульгенции на любую несправедливость, все же следует заметить, что даже если доминирующая в новом государстве нация начинает притеснять свои собственные меньшинства, это еще не означает, что ее претензии к прежнему центральному правительству или доминировавшей в прежнем государстве имперской этнической группе не были не оправданы. Даже преступники могут быть жертвами преступлений. Замена многонациональной империи или федерации группой национальных государств все равно оставляет без собственной государственности какие-то слишком малочисленные или слишком рассеянные этнические меньшинства.

Такие факты, как относительно бескровный распад СССР, разделение Чехо-Словацкой федерации на Чехию и Словакию, присоединение Восточной Германии и, ранее, Саарской области к ФРГ, равно как и многие примеры получения независимости колониями европейских государств после второй мировой войны, убедительно показывают, что национальное самоопределение может достигаться и вполне мирными и цивилизованными способами. Тем, кто постоянно говорит об опасности насилия во время национального отделения, следовало бы не требовать сохранения статус-кво любой ценой, а добиваться совершенствования мирных конституционных и дипломатических процедур, позволяющих установить границы, наиболее точно соответствующие этническому составу населения новых и существующих государств.

МАЛОЕ — НЕ ЗНАЧИТ НЕЖИЗНЕСПОСОБНОЕ

Существует ли нижняя граница величины жизнеспособного национального государства, обусловленная нуждами обороны, или экономическими потребностями, или соображениями международной безопасности? Если жизнеспособность государства понимать исключительно как полную экономическую самодостаточность и военную неуязвимость в отсутствие союзников, то единственными жизнеспособными государствами придется считать гигантские замкнутые континентальные сверхдержавы наподобие Океании, Остзии и Евразии в книге "1984" Оруэлла. До тех пор, пока государства готовы вступать в союзы, обеспечивающие совместную безопасность, и участвовать во взаимовыгодной торговле, не существует никаких причин, почему небольшая страна вроде Португалии или Хорватии не может быть столь же жизнеспособной, как и великая держава вроде Соединенных Штатов. Независимый Квебек вполне мог бы процветать в качестве участника северо-американского рынка, даже сохранив свою уникальную франко-американскую специфику, хотя переход к независимости и может оказаться болезненным. Более того, небольшим странам подчас легче добиться экономического прогресса, нежели многонаселенным. Сравните для примера Гонконг и Сингапур с Китаем. Вместо того, чтобы специализироваться на выращивании одной или нескольких культур, на что часто обречены имперские провинции или федеральные земли, независимая нация может защититься от сотрясений рынка, диверсифицируя свою экономику. Суверенное государство также имеет немалые возможности по части экономической и военной дипломатии — преимущество, которого лишены отдельные провинции, подчиненные единому центру.

Можно было бы подумать, что небольшое национальное государство разорилось бы на обороне. Однако на деле такие страны тратят на оборону не большую долю ВВП, чем крупные государства. Более того, в период холодной войны США затрачивали на военные нужды относительно

(в процентах к ВВП) больше средств, чем их союзники, будь то страны среднего размера подобно Германии или Японии или небольшие государства вроде Дании и Португалии. Малое государство может сильно экономить на военных расходах, если у него есть мощный сосед, готовый защищать не только себя, но и тот регион, в котором это государство расположено. Конечно, из подобного соседства могут проистекать не только выгоды, но и неприятности, однако игра может стоить свеч. В конце концов, курды лучше были бы защищены от притязаний Багдада, если бы имели свое, пусть и слабое государство, чем сегодня, когда курдские земли входят в состав Ирака.

Так или иначе, рассуждения о преимуществах больших размеров фактически могут быть аргументом против существования любых малых государств — и многонациональных, вроде Швейцарии, и национально однородных, таких как Словения. Из этих соображений никак не вытекает, что национальный фактор не может быть основой государственности, по крайней мере в тех случаях, когда налицо географическая концентрация людей одного языка и одной культуры.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА АНТИЛИБЕРАЛЬНОГО

Тот факт, что в определенных обстоятельствах национальное самоопределение заслуживает всяческой поддержки, отнюдь не означает, что мы обязаны поддерживать тиранические или имперские формы национализма. Очень важно четко разграничить либеральный и антилиберальный национализм. Либеральный национализм тяготеет к признанию культурно-лингвистического определения национальности и либерально-конституционной, хотя и не обязательно демократической, организации государства. Напротив, адепты антилиберального национализма (на американском политическом жаргоне их можно назвать "нативистами", что примерно соответствует русскому слову "почвенники") предпочитают определять национальность по общности религии или происхождения, как в Иране или

Сербии. Они, кроме того, обычно, хотя и не всегда, склоняются к авторитарно-популистскому государственному устройству. Смешение либерального национализма с антилиберальным нативизмом — такая же ошибка, как отождествление социал-демократии с коммунизмом ленинского образца. Антилиберальный национализм часто повинен в ужасающих зверствах, что лишний раз показала кровавая баня в Боснии. Нельзя, однако, в грехах антилиберализма и милитаризма винить национализм как таковой.

Либеральный национализм, понимаемый как принцип соответствия между государством и нацией как культурной общностью, не только не угрожает демократии, а напротив, является необходимым (хоть и недостаточным) условием ее развития в большинстве стран современного мира. Современная демократия немыслима без такого сообщества, связанного не одними только политическими узами. Сегодня повсеместно признано, что нация как культурно-лингвистическое сообщество служит естественной основой для формирования сообщества политического. Нация, в этом понимании, — с одной стороны, самая большая из групп, способных вызывать у своих членов чувство искренней преданности, а с другой, — минимальное универсальное сообщество, объединяющее все возрастные и социальные слои. Нация — это одновременно и автономная, пусть и многочисленная группа, и микро модель всего человечества. Как заметил Токвиль, "мало кто способен испытывать горячую любовь ко всему человечеству. В интересах рода человеческого — не требовать от каждого безоглядной любви ко всем без исключения, а позволить любому человеку иметь свое собственное отечество".

Некоторые считают национальную преданность иррациональной и атавистической, особенно в сравнении с якобы "рациональным" патриотизмом, другими словами, лояльностью по отношению к государству, которое не отождествляется ни с одной доминирующей языковой или культурной группой. Однако в приверженности нации как к культурному сообществу, а не абстрактному территориальному государству, нет ничего иррационального. Помимо психологических мотивов, такая приверженность

объясняется и чисто практическими соображениями. Нации, как правило, куда старше, чем государства. Человек обычно всю жизнь принадлежит тому культурному сообществу, то есть нации, в котором он родился и вырос; напротив, государство, чьи законы он обязан соблюдать, может изменить границы, конституцию, название, либо же в результате объединения с другим государством или завоевания вообще исчезнуть с географической карты. Хотя национальные сообщества отнюдь не бессмертны, они обычно куда устойчивее и долговечнее государств. Коль скоро это так, необходимо признать, что было бы верхом неразумия требовать от человека отождествлять себя прежде всего не с исторической культурно-лингвистической общностью, каковой является нация, а с переходящей политической системой или бумажной конституцией.

ВОЗМОЖНА ЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Существует великое множество свидетельств тому, что демократия почти никогда не работает в обществах, резко разграниченных в языковом или культурном отношении. Кипр, Ливан, Шри Ланка, Судан, Советский Союз, Югославия, Чехословакия, а в ближайшей перспективе, вероятно, и Индия — все эти многонациональные страны являли и являют собой наглядные примеры неудачи демократических учреждений. Тем не менее, многие упорно доказывают, что многонациональная демократия не только возможна уже сегодня, но и что ей принадлежит будущее. С их точки зрения, многонациональные деспотии не должны разделяться на национальные государства, которые (если не все, то некоторые) могли бы со временем прийти к демократическому государственному устройству.

Защитники этой идеи обычно указывают на три многонациональные демократические федерации, сумевшие ввести у себя тщательно разработанные механизмы разделения власти между разными этническими группами, — Швейцарию, Бельгию и Канаду. Однако уже то обстоятельство, что из десятков многонациональных государств лишь три смогли создать работоспособные демократические учреждения,

указывает на трудности, с которыми сталкиваются лингвистически и культурно неоднородные нации при попытке мирно провести в жизнь единую демократическую конституцию. Фактически эти три примера куда сильнее говорят против аргументов сторонников многонациональной демократии, чем в их пользу. Скажем, Швейцария — это не подлинное многоэтническое общество, а скорее конфедерация относительно однородных национальных государств — кантонов. Бельгийское общество уже давно страдает от языковых и политических конфликтов, а Канада постоянно балансирует на грани распада из-за квебекского вопроса. Не исключено, что английская и французская части Канады со временем разделятся, как это произошло с Чехией и Словакией.

Швейцария и Бельгия, и это необходимо принять во внимание, — малые страны, а Канада — страна хотя и огромная по территории, но не слишком населенная. Это обстоятельство ставит под сомнение еще один аргумент сторонников сохранения больших многонациональных государств, утверждающих, что страны с большим населением более жизнеспособны экономически. Хотя численность населения и может создавать экономические и военные преимущества, они обычно сводятся на нет при нарастании в обществе этнической неоднородности, особенно при межнациональных конфликтах. При прочих равных условиях крупное однородное национальное государство может быть гораздо предпочтительнее подобного государства небольших размеров. Однако даже слабейшее в военном отношении небольшое национальное государство может добиться куда большего благосостояния и порядка, чем гигантская страна, раздираемая этническими и языковыми конфликтами.

Те, кто призывает недемократические многонациональные государства, избегая всеми силами раздела, добиваться разделения власти между национальными группами по швейцарскому или канадскому образцу, обычно не предлагают никаких запасных вариантов, если конституционная панацея окажется бесполезной, как это в основном и бывает на практике. К чему нужно стремиться, если

тщательно разработанные схемы разделения власти отвергаются с самого начала или вводятся в действие, но не срабатывают? Следует ли в этом случае соглашаться на раздел страны или отделение от нее тех или иных областей? Если нельзя обеспечить целостность многонационального государства демократическими средствами и ее приходится сохранять террором и репрессиями, как в Ираке, стоит ли игра свеч?

Сохранение целостности многонационального государства и его демократизация часто оказываются несовместимы, и те, кто пытается добиться обеих целей, быстро убеждаются в этом. Как показал пример франкистской Испании, либеральные националистические государства, даже недемократические, имеют большие шансы на развитие демократии, поэтому сторонникам демократизации имеет смысл поддерживать либеральный национализм даже там, где демократия еще невозможна. Этот вывод может быть справедлив по отношению к Алжиру и Египту. Напротив, попытка удержать воедино и демократизировать даже относительно либеральное многонациональное государство, чье население не объединено чувством национальной солидарности, может оказаться пустой тратой времени — не исключено, что этот вывод вновь подтвердится примером Южной Африки. Часто куда разумнее начать с поддержки либерального и конституционного национализма — с основанной на выборном начале демократией или даже без нее. По такому сценарию, сначала возникает национальное государство, затем формируется либеральная политическая культура, на ее основе принимается либеральная конституция, и только после этого (да и то не обязательно) начинает развиваться демократия. Многие предпочитают быть гражданами либерального, пусть и недемократического национального государства, а не подданными антилиберальной многонациональной деспотии, чье единство держится только на штыках.

УЖЕ НЕ КРАЙНИЙ ВЫХОД

Было бы ошибкой полностью отказаться от принципа взвешенного соблюдения ныне существующих границ, заме-

нив его неограниченной поддержкой любых призывов к национальному самоопределению. Вместо этого имеет смысл рекомендовать несколько практических правил политического поведения. Для начала стоит отметить, что Соединенным Штатам лучше бы впредь воздерживаться от ничем не оправданных громогласных заявлений в защиту государственного единства, наподобие печально знаменитой киевской речи бывшего президента Буша. Даже если политика США и направлена на сохранение целостности той или иной страны, не стоит выказывать это слишком уж явно — это может грозить опасностью потерять рычаги влияния. Хуже того, может создаться впечатление, что Америка готова выдать индульгенцию на самое жестокое подавление борьбы за национальную независимость — не исключено, что именно американские декларации в поддержку государственного единства Югославии убедили сербских националистов, что они могут без особого риска напасть на Словению и Хорватию.

С другой стороны, не следует так уж пугаться территориального раздела, если в стране уже бушует гражданская война, разразившаяся из-за этнических или культурных конфликтов. В подобном случае подчас куда мудрее на первое место поставить именно национальное самоопределение, пожертвовав ради него даже свободными всеобщими выборами. Это особенно верно, если речь идет о многонациональном и недемократическом государстве в безвыходно кризисной ситуации. Угнетаемым народам, пытающимся сбросить иго многонациональной империи, не стоит говорить, что они получают право голосовать за что угодно, кроме собственной независимости. Поскольку демократия и либеральный конституционализм лучше всего работают в относительно однородных национальных государствах, имеет смысл заниматься составлением конституции не до, а после достижения национальной независимости. Не только бесполезно, но и оскорбительно для западных политиков и университетских профессоров усердно разрабатывать демократические федеральные конституции, подобные плану Вэнсса-Оуэна, да еще и пытаться навязать их курдам, кашмир-

цам или жителям Косово в качестве альтернативы национальной независимости. Если многонациональная федерация дошла до полного развала, может быть лучше и не пытаться восстановить ее с помощью всякого рода хитроумных, но не работающих механизмов разделения власти, а согласиться на создание новых двух или более относительно однородных национальных государств.

Признавая национальное самоопределение в форме отделения, нельзя осуждать и расширение национальных государств посредством мирных и демократических территориальных приобретений, подобных имевшим место при объединении Германии. Соединенные Штаты не раз увеличивали этим способом свою территорию, причем в последний раз это произошло всего лишь в 1959 г., когда Гавайи и Аляска стали полноправными штатами. Президент Буш призывал предоставить статус штата Пуэрто-Рико. Если Восточная Германия могла присоединиться к Западной, то на каком основании можно запретить этническим албанцам в Косово, составляющим 90% населения края, присоединиться к Албании, если они этого захотят? Какое право имеет международное сообщество препятствовать боснийским территориям с преимущественно хорватским населением добровольно слиться с Хорватией, тем более, что границы Хорватии установлены недавно и пока что очень подвижны? Государствам должно быть дозволено не только сокращаться в размерах, но и расширяться, если только это осуществляется мирными средствами с согласия большинства населения или хотя бы главных этнических групп присоединяемых территорий. Трудности, возникающие на пути объединения Западной Европы, показывают, что не следует так уж опасаться возможности добровольного создания сверхмощных бюрократических сверхгосударств, подобных Третьему рейху или Советскому Союзу.

У Соединенных Штатов есть законное право не поддерживать националистические движения, которые определяют нацию в узкорасовых или религиозных, а не в языковых и культурных терминах. Это же относится и к движениям, угрожающим национальным меньшинствам преследовани-

ями или геноцидом. Кроме того, международное сообщество имеет право требовать от новых государств, желающих добиться признания, защиты законных прав культурных меньшинств, таких как право на изучение своего языка или религии. Однако международное сообщество не имеет права требовать ни от одного государства чего-то большего, чем терпимость по отношению к культурам проживающих там меньшинств, к примеру, финансовой или организационной поддержки. Конечно, государство можно принудить к подобным мерам с помощью международного или внутреннего давления, но это обычно приводит только к раздражению большинства населения и никак не способствует достижению желаемых целей.

Вспышка разрушительного национализма, разорвавшая на части СССР и югославскую федерацию, вряд ли окажется последней. По всей вероятности, в ближайшее десятилетие усилятся сепаратистские движения в многонациональных государствах, возникших на месте бывших колониальных империй — в Индии, Пакистане, Южной Африке, Ираке и, возможно, даже в Российской Федерации. По мере того как правящие элиты этих стран в поисках легитимности будут все больше уступать национальным и религиозным стремлениям основных этнических групп, националистические движения меньшинств могут становиться все более агрессивными и непримиримыми. Хотя во многих случаях, возможно и в большинстве, центральные власти смогут удерживать контроль над своей территорией, сепаратистские движения все равно будут главным источником терроризма и гражданских войн в следующем столетии. Конечно, Соединенным Штатам не следует заниматься экспортом сепаратизма. В то же время Вашингтон должен осознать, что в некоторых случаях американским ценностям и интересам лучше всего могут соответствовать действия сторонников разрушения многонациональных государств, а не их сохранения.

Гидон Готтлиб

НАЦИИ БЕЗ ГОСУДАРСТВ

ПЕРЕСМОТР ИДЕИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Великие державы в нашем столетии обычно создавали новые государства и выделяли для них соответствующие территории, руководствуясь принципом самоопределения, провозглашенным президентом США Вудро Вильсоном. Земли распределялись на основе этнических принципов — это казалось самым естественным и справедливым. Нужно подчеркнуть, что ключевым пунктом такой стратегии великих держав было именно распределение и перераспределение территорий. Однако большинство нынешних национальных и этнических конфликтов не поддаются урегулированию на основе изменения государственных границ для предоставления каждому национальному сообществу возможности создать собственное государство.

Государства, твердо решившие загасить тлеющие огоньки этнического противоборства, не прибегая к болезненной хирургии отделения, должны предоставить народам, не желающим терпеть чужеземное угнетение, возможность жить своей собственной жизнью. Принцип самоопределения необходимо дополнить новой схемой с меньшим упором на территориальное перераспределение и с большим — на региональное урегулирование. Подобный подход (его можно охарактеризовать формулой "государства плюс нации") требует целевого создания специальных территорий и зон, пересекающих государственные границы; учреждения особых механизмов управления и защитных режимов в местах культурных и исторических святынь тех или иных этнических групп; признания статуса и прав национальных сообществ, не имеющих собственной государственности; помощи народам в установлении экстерриториальных связей и союзов. Такой подход также акцентирует важность различия между национальностью и гражданством при решении задач обеспечения национальных прав и сохра-